

Москов Е.А. А.П. Чехов. К
сегодняшней постановке
«Вишневого Сада» // Новое русское
слово. Нью-Йорк, 1939. 11 ноября.
№ 9775. С. 4.

А. П. ЧЕХОВ

К сегодняшней постановке «Вишневого Сада»

Прошло 35 лет, и каких лет, после кончины Чехова, поэта русской печали и надежды.

Чехов... В своей глубинной русскости он не уступает Гоголю, Тургеневу, Гончарову и прочим славным, но, по временам, он еще ближе нам живыми людьми своего рассказа, еще недавно нашими современниками. Мы их знали, видели, слышали, и мы еще так недавно удивлялись их художественным портретам в творчестве Чехова.

Выдержка из русской ценики: «Мой любимый из любимых писатель — Чехов, и я вся в нем. Он — моя библия, он был выше всего, это был самый европейский писатель и человек. Он никому не навязывал никаких убеждений и верований. Учили бы у него, и были бы по настоящему свободны».

Так восторженно пишет недавно мне из Калифорнии образованная русская артистка.

Но еще больше удивит отрыв с другого конца земли, — большого английского писателя и драматурга, недавно умершего Голсворти.

Он был весь захвачен Чеховым, — его пониманием человеческой души, мягкостью в приближении к ее боли, чуткостью к человеку, каких в равной силе он не нашел у

других европейских писателей.

Не сговариваясь, русская артистка из Москвы и такой далекий от России англичанин сошлись в их чутке и поимании духовности Чехова.

Не потому ли, что, исповедуя великий завет русских писателей говорить только правду, и всю правду, Чехов так глубоко вошел в душу русского человека, так умело рассказал ее и так помог нам понимать ее во всей полноте?

От цеграмотного мужика в русском захолустье отвинтившего гайку у железно-дорожной рельсы на грузило для рыбной ловли, в рассказе «Злоумышленник», от забытого деревенского мальчика Ваньки Жукова в учении у сапожника, от забытого Фирса, от дикого, несуразного Елиходова, до усталых, потерявших себя интеллигентов высокой культуры, до утонченной тоскующей Чайки, кого только не зависал в свою детность Чехов.

И в каждом из них у Чехова — русский человек, не герой, но просто человек.

Среди русских писателей человечностью не удивишь.

От всечеловечности Пушкина, как рассказали ее нам Достоевский и Ключевский, Чехов весь ушел в русскую человечность и осветил ее

мягким светом своего нежного таланта.

Юмор Чехова — сама русская доброта, русская жалость, русское всепрощение. В «Вишневом Саду» Чехов шутит надо всеми, но никого не обижает, у него нет того юмора Гоголя и Шедрина, который часто называли жестоким.

От веселого задорного смеха рассказов молодого Чехова, — Антоши Чехонте, до печали «Трех Сестер», и до грусти уходящего в прошлое «Вишневого Сада» и покидающих его гнездо лишних людей, — во всем звучит — любить надо, надо жалеть и уметь жалеть. Что проку от зычного хохота над темным человеком, которому вы не дали света русской грамоты и богатства русского просвещения? Что за похвальба собственной культурностью, когда вы не сумели ее раздавать вашему народу?

Так жить нельзя, — говорил Чехов на каждой странице своего юмора и своей печали. Нельзя жить без просвещения, нельзя жить одной беспечной ленью. Наступали последние напоминания, что время Раневских и Гаевых уходит, что новых Фирсов быть не должно.

То был одиннадцатый час. Перед нашим уходом пробил двенадцатый в темную, бурную ночь русского народного восстания. Лишних людей Чехова смело бурей без следа.

Отчего же, слушая Чеховскую печальную повесть недавних дней, вы не чувствуете отчаяния, безнадежности? Не потому ли, что сквозь Чеховские сумерки вы слышите его бодрящий призыв к новой, молодой жизни, к строительству нового русского общества?

Сегодня, в той благоговейной тишине, с которой русский зритель слушает своих старинных друзей, артистов, а певучем шуме деревьев Вишневого сада и даже в шепчущем стуке топора вы слышите пережитое нами не только в печали ушедшего.

От Чеховского живого русского смеха, от русских добрых чувств любви и жалости, к которым Чехов звал читателя, вырастает горячая вера в лучшее будущее России.

Народ и страна, создание Петра Великого, Пушкина, Достоевского и Чехова, могут уставать, переживать очень трудные времена, но не умирают, а возрождаются к новой лучшей жизни.

Е. А. Москов.